

УДК

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ КАК ТАКТИКА ПОИСКА ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ТЕРРОРИСТОВ В СРЕДЕ МИГРАНТОВ

Е.А. Куликов, В.А. Мазуров, М.А. Стародубцева

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
E-mail: kafupik@law.asu.ru*

Профилактика преступности играет огромную роль в правоохранительной деятельности государства. Преступление гораздо легче предупредить, чем бороться в дальнейшем с последствиями его совершения. Особое место занимает преступность террористической направленности. Она превратилась в глобальную угрозу в современных условиях существования мирового сообщества. Противодействие этой преступности осложняется проблемой миграции. Связанная с серией непрекращающихся военных конфликтов на Ближнем Востоке, миграция создает питательную почву для роста преступности экстремистской и террористической направленности. Для Российской Федерации с момента распада СССР особое значение имеет миграция из среднеазиатских республик. Эти республики зачастую принимают на своей территории участников террористических организаций, которые затем попадают и на территорию России. Статья посвящена перспективному методу поиска потенциальных террористов среди мигрантов. Географическое профилирование позволяет сделать профилактический поиск потенциальных террористов и экстремистов более целенаправленным.

***Ключевые слова:** экстремизм, миграция, профилактика, предупреждение преступлений, преступность террористической направленности, противодействие терроризму, географическое профилирование.*

GEOGRAPHICAL PROFILE AS A TACTICS OF SEARCHING FOR POTENTIAL TERRORISTS IN THE ENVIRONMENT OF MIGRANTS

E.A. Kulikov, V.A. Mazurov, M.A. Starodubseva

*Altai State University, Barnaul, Russia
E-mail: kafupik@law.asu.ru*

Crime prevention plays a huge role in law enforcement activities of the state. A crime is much easier to prevent than to fight further with the consequences of its

commission. A special place is occupied by the crime of a terrorist nature. It has become a global threat in the modern conditions of the world community. Countering this crime is complicated by the problem of migration. Associated with a series of ongoing military conflicts in the Middle East, migration creates fertile ground for the growth of crime of extremist and terrorist orientation. For the Russian Federation, since the collapse of the USSR, migration from the Central Asian republics is of particular importance. These republics often accept on their territory members of terrorist organizations, which then enter the territory of Russia. The article is devoted to a promising method of searching for potential terrorists among migrants. Geographic profiling allows you to make the preventive search for potential terrorists and extremists more targeted.

Keywords: *extremism, migration, prevention, crime prevention, criminality of a terrorist orientation, countering terrorism, geographical profiling.*

Введение

Активизация миграционных процессов в настоящее время является одной из глобальных проблем в сложившейся международной ситуации. Конфликт в Сирии стал причиной самого крупного кризиса перемещения беженцев — почти половины населения страны, из которых 6,45 млн человек переместились в пределах Сирии и свыше 3,2 млн зарегистрированных беженцев бежали в соседние страны.

Соотношение мигрантов к числу местных жителей в глобальном масштабе составляет 1 : 95; в Европейском Союзе это соотношение равно 1 : 9001. Лидером по количеству приезжих граждан являются США, где проживают 46,6 млн мигрантов, на втором месте Германия — 12 млн мигрантов, в России по различным данным в настоящее время проживает 11,9 млн мигрантов.

Очаги напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Южной Азии, на Корейском полуострове, появление новых «горячих точек» становятся базой для распространения межнациональной розни, религиозной вражды, терроризма и экстремизма (Лунеев, 2013: 103).

В той или иной степени взаимосвязь экстремистских проявлений и неконтролируемой миграции нашла отражение в ряде концептуальных нормативных актов Российской Федерации: Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (далее — Стратегия противодействия экстремизму), утвержденной Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014г.; Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (далее — Стратегия национальной безопасности), утвержденной Президентом Российской Федерации 31 декабря 2015г.; Федеральном законе от 07 июня 2013 г. № 108-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 108); Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 182).

Так, в Стратегии национальной безопасности отмечается, что неконтролируемая и незаконная миграция способствует усилению националистических настроений, различного рода экстремистских проявлений, создает угрозу экономической стабильности.

Ряд террористических актов в 2016 г. во Франции, Бельгии, Германии совершены как мигрантами из стран Ближнего Востока, так и лицами, ранее получившими европейское гражданство. По данным российских правоохранительных органов, с начала вооруженного конфликта в Ирак и Сирию выехало от 800 до 1,5 тыс. чел.

На межгосударственном уровне в 2000 г. в целях активизации усилий государств — участников Содружества Независимых Государств в противодействии преступным деяниям, в том числе международному терроризму и экстремизму, создан Антитеррористический центр государств — участников Содружества Независимых Государств (АТЦ СНГ), специалистами которого неоднократно поднимался вопрос о радикализации пользователей информационно-коммуникационной сети Интернет под влиянием распространяемой экстремистской и террористической идеологии, отмечался феномен «самовербовки» граждан государств Центрально-Азиатского региона, находящихся в трудовой миграции в разных странах, в том числе в России.

Таким образом, возникает необходимость изучения влияния миграционных процессов на состояние преступности экстремистской направленности, их взаимосвязи с радикализацией и протестной активностью населения России и зарубежных стран.

Общая характеристика современных миграционных процессов. В научной литературе встречается множество определений миграции в широком и узком толковании. В общем смысле под миграцией понимается перемещение, переселение населения внутри страны или из одной страны в другую. В узком смысле миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства. В криминологических исследованиях под миграцией понимаются территориальные перемещения между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности и цели (Овчинский, 2009: 240).

Беспрецедентная по своим масштабам и последствиям ситуация с иммиграцией, сложившаяся в Европе в 2014–2016 гг., в средствах массовой информации называется «кризисом беженцев» (refugees crisis).

Однако определенная часть иммигрантов только называет себя «беженцами», не являясь по факту таковыми: это экономические мигранты, стремящиеся, тем не менее, получить статус беженцев и установленные в странах приема социальные выплаты.

Европейские страны, которые и в прошлом принимали беженцев: Франция — из стран Магриба, Германия — из Сирии, Афганистана, Ирака, Великобритания — из Южной Азии, проводили последовательную политику их интеграции, путем социальной поддержки, внедрения образовательных программ для мигрантов, общения к европейским ценностям (политика мультикультурализма, или политика взаимного сосуществования культур).

Однако масштабный поток иммигрантов за короткий срок с новыми формами поведения, не свойственными европейскому населению, по сути, вызвал коллапс интеграционных моделей и привел к многочисленным социально-политическим «разломам» в большинстве стран ЕС. Прежде всего, под угрозой распада оказался ЕС как политическое и социально-экономическое образование. В некоторых странах политики высказываются за закрытие границ, восстановление пограничного контроля между странами Шенгена (в частности, такой контроль ввели Швеция, Австрия, Дания и др.).

Европейская система предоставления убежища столкнулась не только с техническими сложностями идентификации и адаптации беженцев, но и с концептуальным вызовом, подрывающим основы ее существования, базирующиеся на соблюдении прав человека и идее мультикультурализма. Фактически более правомерно назвать сложившуюся ситуацию «миграционным кризисом», который стал крупнейшим со времен Второй мировой войны.

Статистика миграции в Европе в 2015 г. зафиксировала приток 1 млн беженцев, основную часть которых составляли сирийцы. В 2016 г. их число удалось снизить до 355 тыс., но проблема до сих пор не решена.

Статистика мировой миграции по количеству проживающих в стране иностранцев выделяет пять лидеров:

- Люксембург — 45,9%.
- Швейцария — 29,6%.
- Швеция — 18,5%.
- Австрия — 17,4%.
- Германия — 14%.

Статистика ООН по миграции отмечает основные факторы, привлекающие беженцев в европейские страны:

- отсутствие пограничного контроля внутри ЕС, что позволяет свободно перемещаться по территории;
- высокий уровень социальных пособий и возможность устроиться на работу.

Как показывает статистика миграции в мире, приток людей из других стран опережает темпы роста численности населения:

- 2013 г. — их количество составляло около 232 млн чел.;
- 2015 г. — цифра достигла 244 млн. Из них 20 млн чел. являются беженцами.

Чаще всего в основе массового перемещения людей лежат экономические причины. Статистика миграции населения в мире выделяет следующие факторы:

- переезд работников низкой квалификации в страны с высоким уровнем экономики;
- переселения между странами с одинаковым уровнем развития из-за социальных или культурных факторов;
- статистика по миграции в мире отражает перемещение трудовых ресурсов из государств бывшего СССР и Восточной Европы в Западную ее часть и США;
- наблюдается также переезд квалифицированных работников из благополучных стран в развивающиеся по причинам высоких заработков, карьеры.

Среди других факторов, влияющих на массовые перемещения, статистика миграции населения выделяет также:

- военные конфликты;
- столкновения на религиозной или этнической почве;
- нестабильную политическую ситуацию;
- природные катаклизмы;
- техногенные катастрофы.

По нашему мнению, отправной точкой стала «арабская весна» — серия демонстраций, путчей, революций, политических переворотов и гражданских войн, начавшихся в ряде мусульманских стран в конце 2010 — начале 2011 г. (Тунис и Алжир). Затем волны выступлений, массовых протестов, военных действий прошли в Ливии, Йемене, Египте, Бахрейне, Ираке, Марокко, Омане.

И наконец, гражданская война в Сирии, спровоцированная деятельностью ДАИШ (Исламского государства, запрещенного в России) и продолжающаяся до сих пор. Все это заставило миллионы людей искать убежища в соседних странах и Европе. По данным УВКБ ООН, на середину 2015 г. в Турции разместилось около 2 млн, в Ливане — около 1,2 млн, в Иордании — 700 тыс., в Ираке — 300 тыс. и в Египте — 260 тыс. беженцев из Сирии.

Значительные масштабы иммиграции в Европу связаны с широким распространением каналов траффинга — нелегальной переправки мигрантов. Можно говорить о формировании «миграционной индустрии», представленной различными посредниками, как правило, криминальными структурами, оказывающими платные услуги мигрантам по переезду в Европу (Капицын, 2016: 245). Миграционный бизнес приобрел международный размах и вышел на первое место по прибыльности среди криминальных форм деятельности, в него оказались вовлеченными жители африканских, ближневосточных и европейских государств. По данным правоохранительных органов, среди организаторов и исполнителей схем по траффингу замечены граждане Болгарии, Египта, Венгрии, Ирака, Пакистана, Польши, Сербии, Сирии, Туниса, Турции и жители Косово. По данным Европола, в работе этих сетей участвует 30–40 тыс. чел., а оборот бизнеса на траффинге мигрантов в Европу, по примерным оценкам, составил в 2015 г. от 3 до 6 млрд евро (Иншаков, 2017: 335).

Основные потоки иммигрантов в 2014–2015 гг. в страны Европы направлялись из стран Ближнего Востока, Центральной и Северной Африки, Южной Азии. По данным пограничного агентства Frontex, за 2015 г. в Евросоюз прибыло около 1,8 млн мигрантов.

На данный момент мы выделяем восемь основных путей.

В настоящее время большинство стран являются одновременно странами происхождения, назначения и транзита для международных мигрантов. В последние десятилетия многие страны Восточной и Юго-Восточной Азии, Южной Америки и Западной Африки, отличающиеся быстрым ростом экономики, стали значительными центрами притяжения миграции. В результате топ-список стран с наибольшим числом международных мигрантов быстро меняется, однако безусловным лидером неизменно остаются США.

К 2017 г. отрыв США от других стран мира по числу международных мигрантов заметно увеличился, хотя доля международных мигрантов, проживающих

в США, несколько снизилась — до 19,3% от мирового контингента. На второе место по числу международных мигрантов выдвинулась Саудовская Аравия, где оно вчетверо меньше (4,7%). Россия опустилась на четвертое место (4,5%), пропустив на третье Германию с почти таким же числом международных мигрантов, что и в Саудовской Аравии.

Основные пути мигрантов

Маршрут	Количество беженцев (на конец 2017 г.)
Западно-средиземноморский: из Северной Африки на Пиренейский полуостров	7164
Центрально-средиземноморский: из Ливии к берегам Мальты	153 946
Маршрут из Египта, Турции, Греции, Италии через Алупию и Калабрию	Точных сведений нет
Албанско-греческий	8932
Западно-балканский: из восточных стран (Пакистана, Алжира) к границам Турции с Болгарией и Грецией	764 038
Восточно-средиземноморский: из сирийских и афганских территорий и из Сомали к греческой, болгарской, турецкой границам	885 386
Маршрут из бывших республик СССР к восточным границам Евросоюза	1920
Арктический: по северу России к Норвегии и Финляндии	6000

Среди восьми стран с наибольшим числом международных мигрантов в 2017 г. самыми быстрыми темпами роста оно увеличивалось в ОАЭ, особенно в 2005–2010 гг. — в среднем на 16% в год. В тот же период среднегодовые темпы прироста числа международных мигрантов в Саудовской Аравии составили 5,2%, в Великобритании — 5,0%. В 2015–2017 гг. быстрее всего росла численность международных мигрантов в Германии (в среднем на 8,7% в год), а также в Саудовской Аравии (6,2%).

Среднегодовые темпы прироста контингента международных мигрантов в США снижались, опустившись с 4,0% в 1990–2000 гг. до 2,4% в 2000–2010 гг. и 1,6% в 2015–2016 гг. В Германии снижение было еще более значительным: с 4,6% в 1990–1995 гг. до 0,8% в 2010–2015 гг., но в 2015–2017 гг. темпы прироста резко возросли, почти удвоившись по сравнению с первой половиной 1990-х гг.

В России отмечалось снижение числа международных мигрантов в 1995–2010 гг., однако в 2010–2015 гг. темпы прироста также превысили наблюдавшиеся в первой половине 1990-х гг. (0,8% против 0,7% в 1990–1995 гг.) (Корольков, 2014: 232).

Контингент международных мигрантов заметно отличается по своему возрастно-половому составу от населения мира в целом. Среди международных мигрантов заметно ниже доля детей и подростков, но выше доля населения наиболее активных рабочих возрастов. Доля детей в возрасте до 15 лет в населении мира составляла, по оценке на середину 2017 г., 26%, а среди международных мигрантов — 10%, доля молодежи 15–24 лет — 16% и 11% соответственно.

В то же время доля населения в возрасте 25–64 года среди международных мигрантов составляла 68% против 50% в населении мира. Несколько выше среди международных мигрантов и доля пожилых людей — 12% в возрасте 65 лет и старше против 9% в населении мира.

Среди международных мигрантов преобладают мужчины, причем перевес численности мужчин усилился за последние годы. Если в 2000 г. контингент мужчин — 1029, то в 2017 г. — 1068. Наиболее значительное превышение численности мужчин отмечается в возрастной группе 30–34 года (1180 мужчин на 1000 женщин в 2017 г.). В этой же возрастной группе отмечалось наибольшее превышение числа мужчин в 1990 г. (1151 мужчина на 1000 женщин).

Среди международных мигрантов, проживающих в более развитых странах мира, особенно низка доля детей (5% в возрасте до 15%) и молодежи (9% в возрасте 15–24 лет), но заметно выше доля пожилых мигрантов (15% в возрасте 65 лет и старше) и мигрантов рабочих возрастов (70% в возрасте 25–64 лет).

Среди международных мигрантов, проживающих в наименее развитых странах мира, доля людей в возрасте до 25 лет составляет более 40% (дети в возрасте до 15 лет — 24%, молодежь 15–24 лет — 17%). Доля пожилых людей невелика (5%), а доля международных мигрантов в возрасте 25–64 лет составляет чуть больше половины (55%).

В более старом контингенте международных мигрантов, проживающих в развитых странах, преобладают женщины (930 мужчин на 1000 женщин), мужчины преобладают только в возрастных группах моложе 25 лет. В более молодых контингентах международных мигрантов, проживающих в развивающихся странах, преобладают мужчины, особенно заметно в группе развивающихся стран без наименее развитых стран. Если в наименее развитых странах среди международных мигрантов на 1000 женщин приходится в среднем 986 мужчин, то в остальных менее развитых странах — 1331. Особенно значительно превышение численности мужчин в возрастах от 25 до 59 лет, а наибольшее значение — 1600 мужчин на 1000 женщин — отмечается в возрастной группе 40–44 лет. Однако в возрастах 70 лет и старше и в этой группе стран преобладают женщины.

Среди международных мигрантов, проживающих в наименее развитых странах, мужчины преобладают среди подростков 10–14 лет и в возрастах от 35 до 70 лет, особенно значительно в возрастной группе 45–49 лет (1067 мужчин на 1000 женщин).

Преобладание мужского контингента, причем трудоспособного возраста, по нашему мнению, чревато повышением потенциальной опасности террористических актов.

Уровень недовольства европейцев относительно миграционной ситуации в странах Европы вырос в Италии, Франции, Великобритании, Испании, Италии и Польше. Улучшение ситуации за прошедший год отметило лишь незначительное количество граждан: 2% в Италии, 6% в Польше, 7% во Франции, Великобритании, Испании и 16% в Германии (Капицын, 2016: 245).

В России присутствие значительного числа мигрантов в своих населенных пунктах ощущает 63% россиян; 36% рассматривает мигрантов в качестве источника дополнительных вливаний в экономику (не согласны с этим 50%); 57% опрошенных отмечают возможность получения местным населением ряда услуг по более низкой цене (нежели в случае привлечения к работе коренных жителей) (Синюков, 2014: 672).

Отношение россиян к мигрантам за 10 лет ухудшилось, следует из опроса «Левада-центра»: 32% опрошенных полагают, что мигранты, как правило, — малообразованные люди, способные только на неквалифицированный труд, 10 лет назад так считали 28% респондентов. При этом сократилось число тех, кто называет мигрантов трудолюбивыми людьми, готовыми много работать (с 30 до 26%), и кормильцами, заботящимися о своих семьях (с 38 до 25%). 67% россиян считают, что правительству необходимо попытаться ограничить приток приезжих, — максимума этот показатель достигал в октябре 2013 г. (78%) и в марте 2016 г. (80%).

Изменилось и отношение к выходцам из конкретных стран: так, число респондентов, плохо относящихся к мигрантам с Украины, выросло с 9 до 19%, из Белоруссии — с 8 до 13%, из республик Средней Азии — с 31 до 38%, зато немного улучшилось отношение к трудовым мигрантам из стран Закавказья.

Тема миграции возникает в двух ситуациях, говорит политолог Алексей Макаркин. Первая — во время выборов, например, на выборах мэра Москвы в 2013 г. не было ни одного промигрантского кандидата, вспоминает эксперт: «В России нет промигрантских партий. В Европе, когда идет антимигрантская волна, всегда есть политические силы, говорящие о необходимости интегрировать мигрантов. У нас человек, который хочет куда-то избраться, никогда не будет делать таких заявлений». Это объясняется консерватизмом российского общества, в котором либералы — это западные консерваторы, а российские консерваторы — это западные ультраправые, поясняет Макаркин.

При этом в России, по его словам, нет промигрантского голосования, а мигранты не оказывают влияния на электоральные процессы, как, например, во Франции. Второй момент, когда появляется эта тема, — совершение мигрантом резонансного преступления, продолжает Макаркин: «Эксперты вспоминают случаи, когда подобные преступления совершают местные жители, но когда речь идет об эмоциях, то об экспертизе не думают. Тогда власти либо ужесточают миграционные правила, либо решают конкретную проблему, либо максимально ограничивают деятельность ультраправых, используя их повестку в своих интересах. И все эти правила пока работают».

Миграционные процессы, радикализация и протестная активность в системе детерминации преступлений экстремистской направленности. В настоящее время в России центрами миграционного притока являются Московский регион,

г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Новосибирская область, где отмечаются высокие показатели зарегистрированных преступлений экстремистской направленности.

Мигранты, формируя устойчивые этноконфессиональные сообщества с компактным проживанием в пределах отдельных районов и поселков, сохраняют свои культурные традиции, свой жизненный график, «исходят из привычных в историческом регионе проживания норм, что <...> не нравится автохтонному (т.е. исконному, местному) населению и вызывает вполне объяснимую реакцию неприятия, отторжения и сопротивления». Представители групп мигрантов воспринимаются как «чужие», «другие», тем самым снижают общий уровень защищенности различных групп принимающего населения, вызывают отчуждение части принимающего сообщества в отношении к мигрантам.

Молодые люди, более склонные к миграции в связи с преимущественно свободным образом жизни, сталкиваются с трудной социальной ситуацией, отсутствием поддержки со стороны представителей государственных органов, насилием и ксенофобией, становятся жертвами расистских нападениях, жестокости полиции, опасных условий труда, заключенных на ложных основаниях трудовых договоров (Гуссейнов, 2016: 54).

Проблема молодежного экстремизма по отношению к мигрантам становится все более актуальной как в городах федерального значения, так и в иных российских субъектах. Неприязненное отношение к мигрантам особенно свойственно молодым людям до 20 лет — 26%, в возрастном диапазоне 21–30 лет показатели достигают 15%.

Данные ряда социологических исследований указывают на то, что антимигрантские настроения наиболее характерны для лиц, имеющих среднее образование, преимущественно проживающих в сельских поселениях и поселках городского типа, минимально контактирующих с мигрантами, в большей степени направлены на представителей народов Северного Кавказа, что также прослеживается в негативном отношении к предложению работать под руководством представителей указанных меньшинств.

По данным Информационно-аналитического центра «Сова», в 2016 г. количество расистских и неонацистских мотивированных нападениях незначительно сократилось по сравнению с 2015 г. Основную группу жертв составили лица, которых нападавшие воспринимали как «этнических чужаков», при этом часть нападениях (особенно на подростков и женщин) отличались крайней жесткостью. Таким образом, мигранты могут выступать в качестве лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, и становиться жертвами указанных посягательств.

В настоящее время в научной литературе акцентируется внимание на появлении устойчивых криминогенных тенденций в виде радикализации молодежи в среде мигрантов. Под радикализацией в широком смысле принято понимать приверженность к крайним взглядам, идеям.

Отдельную проблему, находящуюся в непосредственной связи с миграционными процессами, образует рост протестной активности населения как в России, так и за рубежом. Под протестной активностью личности А.Ш. Гуссейнов понимает

процесс, направленный на реструктурирование внешнего микро- и макросоциума в соответствии со спецификой самоопределения личности в конкретно-исторических противоречиях.

Среди причин расширения базы протестов в России, совершаемых как самими мигрантами, так и коренным населением на фоне миграционных процессов, наиболее часто выделяют следующие: невыплата заработной платы; стоимость медицинских полисов, патентов и сертификатов на знание мигрантами законов РФ, русского языка и истории; неправомерные (по мнению мигрантов) действия представителей администрации; условия содержания в следственных изоляторах, исправительных учреждениях, учреждениях временного содержания иностранных граждан (СУВ-СИГ) — плохое питание, отсутствие лекарственных средств, отсутствие врачей, неоказание медицинской помощи, недостаточное время прогулок, отсутствие телефонов, запрет на свидание с родственниками; несогласие с решением судебных органов о выдворении мигрантов за пределы РФ; межэтнические, религиозные противоречия (Антонян и др., 2010: 288).

В последнее время усилилась тенденция вербовки мигрантов террористическими организациями. 25 июля 2017 г. глава Следственного комитета России Александр Бастрыкин заявил, что «террористы ИГ вербуют граждан ближнего зарубежья, которые не смогли адаптироваться в России. Вербовщики стремятся создать „спящие“ ячейки, которые можно мобилизовать на теракты». В 2015 г. секретарь Совета Безопасности РФ Николай Патрушев отметил, что «Исламское государство» пытается вербовать в свои ряды трудовых мигрантов, которые работают в Дальневосточном федеральном округе.

Если сначала вербовщики призывали своих последователей совершить «хиджру», т.е. переселиться на территорию псевдохалифата, то с 2016 г. они начали призывать к совершению терактов в стране своего проживания. Об этом свидетельствуют участвовавшие теракты на территории ЕС и увеличение количества выявляемых террористических ячеек в России.

В начале мая 2016 г. в Красноярске была обезврежена группа выходцев из стран Средней Азии, которые готовились совершить теракты в общественном транспорте во время празднования Дня Победы. Главарей ячейки задержали. 7 февраля 2016 г. в Екатеринбурге была задержана террористическая группа, включающая себя граждан России и республик Центральной Азии, которые состоят в ИГ и планировали организовать взрывы в Москве, Санкт-Петербурге и Свердловской области. Некоторые из этой группировки были гражданами России, но все они были уроженцами киргизского города Узген.

10 августа 2016 г. на территории Тюменской, Челябинской и Свердловской областей были задержаны 96 выходцев из Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия) — как получившие российский паспорт, так и трудовые мигранты. Участники группировки состояли в сообществе «Рохнамо ба суи давлати исломи» (в переводе с таджикского «Путеводитель в исламское государство»), созданном для пропаганды террористической идеологии и вербовки боевиков в состав ИГ. Арестованные члены екатеринбургской ячейки склоняли к участию в террористи-

ческих группах и вербовали земляков, используя канал связи на основе интернет-радиостанции Zello.

15 декабря 2016 г. на территории п. Зубчаниновка Кировского района Самары были задержаны двое пособников ИГ, выходцев и граждан среднеазиатских республик. В тот же день в Москве была пресечена деятельность диверсионно-террористической группы, планировавшей совершить серию резонансных террористических акций с применением самодельных взрывных устройств большой мощности. В составе группы — уроженец Таджикистана.

3 апреля 2017 г. в Петербургском метрополитене был совершен теракт. Террорист-смертник — 22-летний уроженец Киргизии, гражданин РФ Акбаржон Джалилов. 19 апреля 2017 г. во Владимирской области при попытке задержания были нейтрализованы оказавшие вооруженное сопротивление выходцы из Средней Азии, планировавшие совершение террористического акта. 25 мая в Москве была обезврежена очередная ячейка присягнувших на верность ИГ граждан России и Средней Азии.

28 июля 2017 г. была задержана группа из семи выходцев из стран Средней Азии, подозреваемых в подготовке террористических актов в Санкт-Петербурге. 14 августа в Москве правоохранители задержали очередную группу, в которой состоял куратор подготовки преступления — эмиссар ИГ, специалист по изготовлению взрывных устройств и два террориста-смертника, планировавших масштабные теракты. Наконец, 31 августа в Москве были задержаны двое выходцев из Средней Азии, планировавших совершить теракты 1 сентября 2017 г.

Директор группы по изучению Центральной Азии «Демографический поворот на перекрестке культур» в Гейдельбергском университете Софи Рош провела исследование о религиозности мигрантов из среднеазиатских государств. В нем отмечается, что многие мигранты во время пребывания в России стали практикующими мусульманами. Эта религиозная идентичность сформировалась как на основе прямого контакта с другими мусульманами, так и с русскими-христианами и нехристианами, а также благодаря Интернету.

Данные исследования «Ислам и трудовая миграция», проведенного в 2015 г. таджикскими социологами, показывают, что в мигрантской среде одновременно происходят два процесса. С одной стороны, увеличивается число строго практикующих мусульман, а с другой — для некоторой части ислам перестает быть важным. Эти люди становятся непрактикующими мусульманами и принимают светский образ жизни. Согласно исследованию, мигранты из Таджикистана меняются в религиозной среде в России и трансформируют деятельность исламских институтов; происходит отказ от локальных форм ислама.

Мигрантам приходится заново социализироваться, так как подавляющая часть таджикских мигрантов — выходцы из сельской местности или небольших городов. Их религиозные взгляды формировались под крышей мечети, где почти все люди знают друг друга. Однако в городе вера индивидуализирована, и прежние локальные стабилизаторы остаются в прошлом.

Рост религиозного фактора среди мигрантов и крайне скудные знания основ исламской религии способствуют тому, что мигранты легко поддаются вербовке исламистов.

В связи с этим актуальной задачей является прогнозирование мест возможного базирования террористических групп. С этой целью предлагается использовать так называемое географическое профилирование. Это разыскная методология анализа мест совершения серии преступлений с целью выявления места проживания преступника. Включает качественные и количественные методы. Используется для поиска субъектов, совершивших серийные убийства, изнасилования, поджоги, взрывы бомб и т.д.

Считаем, что существуют два основных аспекта географической деятельности преступников, которые позволяют предположить их наиболее вероятное место жительства или основное место пребывания. Такие выводы можно сделать, исходя из мест совершенных ими преступлений. Один из аспектов — близость (или соседство), т.е. тенденция вероятности того, что чем дальше дом преступника, тем маловероятнее, что он совершит там преступление, аспект часто характеризуется совокупностью спадающих функций.

Второй аспект — морфология, тенденция, что преступления будут совершаться вокруг дома или основного места пребывания преступника. Аспекты имеют теоретическое значение в понимании преступного поведения. Они также могут служить фактором для развития систем принятия решений, создающих модели прогнозирования постоянного места обитания преступника, и могут помочь при проведении расследований.

На практике используются, как правило, следующие методы.

1. Метод окружности. Через две точки — координаты самых удаленных мест преступлений проводится окружность. Центр окружности принимается за место жительства преступника.
2. Метод «центра масс». Вычисляется среднее арифметическое координат мест преступлений.

Изучая методики географического профилирования канадских криминологов и профайлеров ФБР, анализируя попытки российских криминалистов адаптировать их под нужды отечественного следствия, автор статьи приходит к выводу, что географическое профилирование, разработанное Кимом Д. Россмо, имеет много общего с одним из элементов криминалистической характеристики, а именно с анализом времени и места совершения убийства или изнасилования.

Проиллюстрируем тактику географического профилирования на конкретном примере поиска террористов.

П. Шакариан и его коллеги в работе *Adversarial Geospatial Abduction Problems* предложили теоретико-игровой подход к проблеме географического профилирования. Созданная на основе математической модели компьютерная программа SKARE прошла апробирование в Ираке для борьбы с повстанцами и террористами.

Тактика применения самодельных взрывных устройств (СВУ) террористами и повстанцами заключается в следующем. Нападения с использованием СВУ осу-

ществляются мелкими группами. В группе есть специалист по изготовлению СВУ, специалист по логистике и переносчик СВУ. Выделяется также лицо, ответственное за установку и подрыв СВУ. Группы пользуются услугами информаторов и пособников из числа местного населения.

Члены диверсионных групп не хранят СВУ дома. Для хранения используются склады (тайники, укрытия), к которым предъявляются определенные требования. Расстояние между складом и местом диверсии не может быть слишком малым, что чревато его раскрытием и уничтожением.

С другой стороны, это расстояние не может быть слишком большим, поскольку велик риск быть обнаруженным на маршруте доставки. Обычно перевозка СВУ выполняется ночью, причем время доставки СВУ к месту диверсии не превышает одного-двух часов.

В программу SKARE введено ограничение — определенные нападения и тайники приписываются к одной диверсионной группе (или семейству групп).

Для тестирования программы были взяты данные о диверсионных актах, совершенных в Багдаде (27×25 км) и его пригороде Садр-Сити (7×7 км)

Точность определения координат тайника с СВУ по Багдаду составила 0,72 км. Низкая точность может быть объяснена значительной неоднородностью кварталов Багдада. Для более однородного по условиям совершения терактов пригорода точность составила 0,35 км.

Программа SKARE приспособлена для выявления тайников в городских кварталах, но мало пригодна для решения той же задачи в масштабе провинции.

П. Шакариан внес доработки в теоретико-игровую модель, позволившую учитывать особенности рельефа двух провинций (площадь 580×430 км), социально-культурные аспекты (разные племена, живущие в провинциях), возможности и режим полетов бесплотных летательных аппаратов и других средств войсковой разведки. Для тестирования доработанной программы SKARE2 в нее были введены данные по 203 террористическим актам (103 случая использовались для определения границ интервалов и 100 случаев — для проверки точности прогнозирования мест СВУ). Программа SKARE2 позволяет определять местонахождение террористов и СВУ с точностью до 100 кв. км (в среднем это 4,6 села).

Авторы статьи предлагают использовать данную методику географического профилирования с помощью математических моделей и программ, аналогичных SKARE2, в анализе потоков мигрантов и выявлении среди них потенциальных террористов.

Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что миграционные процессы, радикализация и протестная активность представляют собой взаимообусловленные явления, в значительной мере детерминирующие преступления экстремистской направленности как в России, так и в зарубежных странах.

Легкость проникновения на европейскую территорию выходцев из исламских стран, несомненно, способствует развитию террористической угрозы. В этом состоит явный критерий связи между терроризмом и иммиграцией.

Скрытый критерий заключается в высоком проценте граждан западных стран среди радикалов, являющихся выходцами из иммигрантских семей, факте вербовки добровольцев на войну против Запада среди иммигрантов далеко не первого поколения. Характер этой связи порой заставляет сомневаться в эффективности мер, направленных на ограничение иммиграционного потока.

Не все иммигранты террористы, но большинство террористов — иммигранты, и что опасно — среди них растет число образованных, успешных иммигрантов и их потомков. Аналитики все больше поддерживают версию о «спящих агентах».

Иммиграция — источник социальной базы террористов. Она дает возможность создавать разветвленные сети в странах Запада. Однако массовая международная иммиграция — это неизменная часть процессов глобализации.

Можно сказать, что глобализация в целом способствует развитию террористической угрозы (новые технологии, позволяющие осуществлять связь на огромных расстояниях; глобальная финансовая система — важный источник средств для террористов, глобальная система распространения и обмена информации; введение безвизового режима между странами, основными экономическими партнерами; возможность массового обучения за рубежом, создание миллионов рабочих мест во всем мире и пр.).

Таким образом, связь между терроризмом и иммиграцией носит естественный характер, и корреляция этих проблем неизбежно возникает вследствие ускорения темпов интернационализации всех сфер общественной жизни. Ввиду попадания террористов в орбиту миграционного процесса необходимо предпринимать меры, которые могли бы в первую очередь сократить социальную (т.е. возможность вербовки террористов среди иммигрантов), правовую (возможность использования визового режима и либеральное законодательство некоторых европейских стран, например, Великобритании) и экономическую (теневая экономика) базу террористических структур в западных странах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины / Ю.М. Антонян, А.В. Ростокинский, Я.И. Гишинский и др.; под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Логос, 2010.

Бритвина И.Б. Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ: автореферат дис. ... д-ра соц. наук. Екатеринбург. 2006. 39 с.

Бондаренко С.В. Криминологическая характеристика групповой преступности в пенитенциарных учреждениях и меры противодействия ей: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара. 2016.

Власов И.С. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, В.Ю. Артемов и др. М.: КОНТРАКТ, 2012.

Горбунова Н.В. Миграционные процессы как фактор виктимизации социально-этнических общностей в России. Всероссийский криминологический журнал, 2010, No. 4(14), 58–63.

Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности: автореферат дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2016.

Иншаков С.М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017.

Капинус О.С. Законность: состояние и тенденции в 2010–2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015. 406 с.

Капицын А.И. Европейцы недовольны миграционной политикой ЕС. СПб.: ЮНИВЕРС, 2016.

Корольков К.В. Социология преступности: учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014.

Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Т. II. Особенная часть: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2013.

Овчинский В.С. Криминология кризиса. М.: Норма, 2009

Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2014.

REFERENCES

Antonyan, Yu.M. *Ehkstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes] / Yu.M. Antonyan, A.V. Rostokinskij, Ya.I. Gilinskij i dr.; pod red. Yu.M. Antonyana. М.: Logos, 2010.

Britvina, I.B. (2006). *Gendernaja determinacija adaptacii vynuzhdennyh migrantov*: sociologicheskij analiz: avtoreferat dis. ... d-ra soc. nauk. [Gender determination of adaptation of forced migrants: a sociological analysis]. Ekaterinburg..

Bondarenko, S.V. (2016). *Kriminologicheskaja harakteristika gruppovoj prestupnosti v penitenciarных uchrezhdenijah i mery protivodejstvija ej*: dis. ... d-ra jurid. nauk [Criminological characteristics of group crime in penitentiary institutions and countermeasures] Samara.

Vlasov, I.S. (2012). *Migracija i prestupnost': sravnitel'no-pravovoj analiz*: Monografija. [Migration and crime: a comparative legal analysis] / I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, V.Yu. Artemov i dr. М.: KONTRAKT.

Gorbunova, N.V. (2010). Migracionnye processy kak faktor viktimizacii social'no-jetnicheskikh obshhnostej v Rossii [Migration processes as a factor in the victimization of social and ethnic communities in Russia]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, No. 4(14), 58–63.

Gusejnov, A.Sh. (2016). *Protestnaja aktivnost' lichnosti*: avtoreferat dis. ... d-ra soc. nauk [Protective activity of the individual]. Krasnodar.

Inshakov, S.M. (2017). *Issledovanie prestupnosti. Problemy metodiki i metodologii*: monografija. [Crime research Problems of methodology and methodology]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.

Kapinus, O.S. (2015). *Zakonnost': sostojanie i tendencii v 2010–2014 gg. Dejatel'nost' prokuratury po ee obespecheniju*. [Legality: status and trends in 2010–2014. The activities of the prosecutor's office to ensure it]. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ.

Капичын, А.И. (2016). *Evropejcy nedovol'ny migracionnoj politikoj ES*. [Europeans are not happy with EU migration policy]. SPb.: JuNIVERS.

Korol'kov, K.V. (2014). *Sociologija prestupnosti: uchebnoe posobie*. [Sociology of crime]. Stavropol': Izd-vo SKFU.

Luneev, V.V. (2013). *Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii v 2 t. T. II. Osobennaja chast': uchebnik dlja vuzov*. [The course of world and Russian criminology]. M.: Jurajt.

Ovchinskij, V.S. (2009). *Kriminologija krizisa* [Criminology crisis]ю М.: Norma.

Sinjukov, V.N. (2014). *Rossijskaja pravovaja sistema. Vvedenie v obshhiju teoriju* [Russian legal system. Introduction to the general theory]. 2-e izd., dop. M.: Norma.